

R A Y N A Y L E R

THE MOUNTAIN
IN THE SEA

Р Э Й Н Э Й Л Е Р

ГОРА
В МОРЕ

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Н95

Ray Nayler
THE MOUNTAIN IN THE SEA

Copyright © 2022 by Ray Nayler

Перевод *Татьяны Черезовой*

Дизайн *Елены Куликовой*

Нэйлер, Рэй.
Н95 Гора в море / Рэй Нэйлер; [перевод с английского Т. Л. Черезовой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 400 с.

ISBN 978-5-04-186916-8

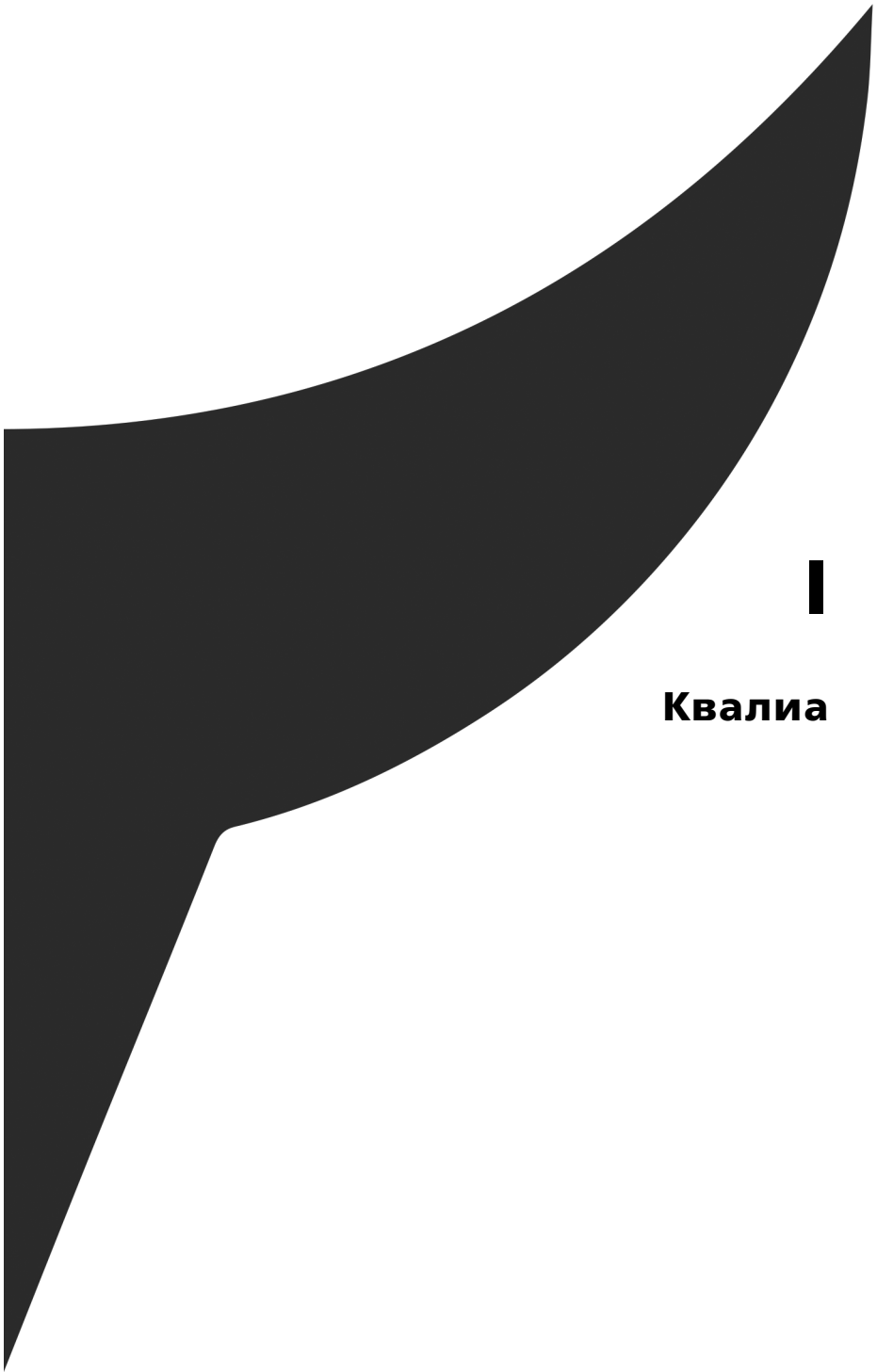
Недалекое будущее. Обнаружен новый вид головоногих моллюсков с уникальной системой коммуникации. Морской биолог доктор Ха Нгуен стремится изучить интеллект осьминогов, а корпорация «Дианима» изолирует их место обитания. Новая разумная жизнь означает и новые возможности, но не обязательно – возможности для людей.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-186916-8

© Т. Черезова, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Ане и Лидии



I

Квалиа

В живой нервной системе не бывает тишины. Электрическая симфония коммуникации течет по нашим нейронам в любой момент нашего существования. Мы созданы для коммуникации.

Только смерть приносит тишину.

Доктор Ха Нгуен, «Как мыслят океаны»

1

НОЧЬ. ТРЕТИЙ РАЙОН АВТОНОМНОЙ торговой зоны Хошмина.

По пластиковому навесу кафе струился дождь. Под этим укрытием окутанные кухонным паром и людской болтовней официанты сновали между столами с исходящими дымком мисками супа, стаканами холодного кофе и бутылками пива.

За стеной дождя скутеры проплывали мимо, словно светящиеся рыбы.

«Лучше о рыбах не думать».

Вместо этого Лоуренс сосредоточил внимание на женщине, сидящей за столом напротив него и протиравшей палочки ломтиком лайма. Разноцветный рой на абганце, скрывающем ее лицо, перемещался и шел рябью.

«Как будто под водой...»

Лоуренс впился ногтями себе в ладонь.

— Извините... у этой штуки нельзя поменять настройку?

Женщина переключила маску. Абганц застыл в форме невыразительного женского лица. Лоуренс видел бледные контуры ее собственного лица, плывущие под маской.

«Плывущие...»

— Я редко использую этот вариант. — Колебания абганца сглаживали интонации женщины. — Лица пугают. Большинство людей предпочитают пятна.

Она поднесла палочки ко рту. Лапша втянулась в глухую поверхность губ цифровой маски. Внутри мелькнула тень настоящих губ и зубов.

«Не смотри на нее. Просто начинай».

— Так... Моя история. Мы здесь из-за нее. Раньше я работал в дайвинг-центре в Нячанге. Переехал на архипелаг десять... нет, уже одиннадцать лет назад. Тогда в Кондао было всего два центра: один в шикарном отеле для западных туристов, а второй — малюсенький, неуспешный. Я его выкупил. Отдал сущую мелочь. Кондао был сонным местечком: малолюдным, почти не посещаемым. Местные считали, что оно проклято.

— Проклято?

— Весь остров раньше был тюрьмой. Кладбища заполнены могилами нескольких поколений диссидентов, замученных сменяющимися друг за другом правительствами. Неудачное место для бизнеса, да? Возможно. Но оно вполне подходило тому, кто хочет просто сводить концы с концами, жить. Конечно, проблемы были — и немало. Официально считалось, что во Всемирный заповедник включен весь архипелаг, суша и вода. Полный запрет на рыболовство и охоту. Наблюдательная комиссия ООН даже появлялась раз в год и клепала свои доклады. Но на самом деле туда постоянно заходили рыболовные суда, тралили рифы, применяли цианид и динамит. А смотрители заповедника все были куплены. А как иначе, при их-то зарплатах? Они торговали черепашьими яйцами, рифовыми рыбами — всем, что к ним в руки попадало. Местные тоже в этом участвовали: охотились с острогами, ныряли за моллюсками. Сон, мой помощник, до этого тоже был ныряльщиком.

— И где он сейчас?

— Я уже говорил: не знаю. Мы не общались после эвакуации.

— Он был с вами в лодке? Когда все случилось?

— Да, к этому я и подхожу. — *«Вернее, тяну время».* — Тот затонувший корабль — это тайландский грузовоз с металлическим корпусом длиной шестьдесят метров. Он пошел ко дну

в конце двадцатого века. Во Вьетнаме этот корабль — единственный, куда можно попасть дайвингистам. Глубина там всего двадцать метров, но условия обычно плохие. Сильные течения, плохая видимость. Годится только для тех, кто знает, что делает. Таких клиентов на Кондао мало, так что к тому моменту мы не были там уже несколько лет. Погружались утром. В мертвый сезон. Паршивая видимость, метра два, но тот тип хотел попасть на затонувший корабль. Так что мы спустились в воду и стали погружаться. Только мы с ним вдвоем.

Лоуренс помолчал.

— Звучит драматичнее, чем было на самом деле. Не было ничего драматичного. Просто рутина. На нас натыкались кальмары и кобии. Видимость была ужасная. Мы уже почти добрались до корабля, когда я решил прекратить это дело. Но когда я оглянулся, тот тип исчез. Хотя это нормально, при плохой видимости вечно кого-то теряешь. Надо просто оставаться на месте. Если начнешь искать, легко потерять ориентацию. Но спустя пять минут я начал тревожиться и проплыл вдоль фальшборта грузовоза. Он был опытный, твердил я себе. Он не стал бы забираться внутрь корабля без меня. Отказало оборудование? Решил всплыть? Я вернулся наверх, рассчитывая увидеть его на поверхности. Я окликнул Сона на катере — спросил, не видел ли он его. Тогда я запаниковал и вернулся обратно. Обстановка под водой все ухудшалась: мутная вода, полная каких-то силуэтов. То и дело попадались рыбы. Наконец я забрался на корабль, больше ему негде было быть. Внутри я быстро его отыскал. Он недалеко проплыл: его тело застряло под трапом внутри главного грузового трюма. Висок был рассечен. Рыбы уже отрывали кусочки мяса. Я поднял его наверх. Сон настаивал на реанимации. Но я знал: он был мертв. Он был мертв, уже когда я его нашел.

— И как, по-вашему, он погиб?

— Дело не в ране — она была неглубокая. Он утонул, потому что кто-то утащил его регулятор, маску, баллон — все. Когда он остался без оборудования, наверное, в панике ударился головой и потерял сознание. Без маски и регулятора смерть наступила быстро.

— А сам регулятор? Баллон? Маска? Вы их нашли?

Бесстрастное лицо, похожее на нечеткую фотографию, монотонность измененного голоса — все это вернуло Лоуренса в прошлое, на остров. Там он повторял свою историю снова и снова. Смотрителям, полиции, репортерам. Обвинения, недоверие... а потом равнодушие.

— Мы их не нашли.

— Но вы обыскали корабль?

— Нет. Насчет этого я солгал.

— Солгали?

— Я не смог туда вернуться. Я сказал полиции, что мы искали оборудование, осмотрели все судно, но... я не искал. Испугался. Настоящих поисков не было.

Она заговорила не сразу.

— Понятно. И что было потом?

— Конкурирующий дайвинг-центр воспользовался этой смертью, чтобы отпугнуть моих клиентов. Бизнес захирел. Но в итоге это не имело значения: через три месяца после происшествия началась эвакуация. Кстати, я рад, что вы купили остров. Теперь я хотя бы уверен, что он будет защищен. Я знал на Кондао каждый дюйм — каждый уничтоженный риф, каждую незаконно добытую рыбу. Так будет лучше. Всех вывезти, отгородить весь архипелаг. Оборонять его. Только так его и можно защитить. Я одним из первых принял ваше предложение и уехал. Щедрая компенсация, новая жизнь. Для меня это было к лучшему, наверное.

* * *

«Наверное». Лоуренс уже не был в этом уверен, выходя из кафе под дождь. Тамариндовые деревья шипели на ветру. У него в пончо на боку оказалась дыра, и сырость просачивалась сквозь одежду, холодила кожу.

«И что вы увидели?»

Его постоянно об этом спрашивали: смотрители, полиция, репортеры. «Что вы увидели?»

Ничего. Ничего он не видел. Однако не мог избавиться от ощущения, что *его самого* что-то увидело.

И это чувство его не оставляло. Он был рад уехать с архипелага. Вот только отъезда оказалось недостаточно: это ощущение возвращалось каждый раз, когда он вспоминал про океан.

Кондао стал ему домом — первым в его жизни. Случившееся на корабле лишило его дома. Именно об этом он и хотел рассказать, только женщина из «Дианимы» все равно бы его не поняла.

А она вообще из «Дианимы»? Или она этого не говорила?

Не важно. Может, из «Дианимы», а может — из какой-то конкурирующей компании. АТЗХ кишит шпионами и международными заговорами.

Неделю назад он съездил в Вунгтау, на океан. Он уже много месяцев не видел воды и подумал, что пора снова поплавать. Но выскочил из воды еще до того, как волны дошли ему до пояса, выпил коктейль в прибрежном баре, вернулся в отель и съехал досрочно.

Он больше никогда не будет нырять.

Он вернется в свою квартирку в Третьем районе и будет наблюдать, как «щедрая компенсация» «Дианимы» тает, пока он не увидит дальнейшего пути.

В двух кварталах от кафе у него начались такие судороги, что он рухнул на тротуар. Рядом остановился мотоцикл. Кто-то его потормошил. Женский голос: «Что с вами? Сэр?»

Мир вокруг сузился до размеров туманного дождливого тоннеля.

— Вызовите «Скорую». Пожалуйста.

И тут он увидел в руках у женщины шприц.

Скутеры проплывали мимо, искаженные дождевиками, закрывавшими их вместе с седоками. Дождь заливал каплями открытые остановившиеся глаза Лоуренса.

Он снова там. На корабле. Мутная вода, полная силуэтов... неясные силуэты в его сознании трансформировались во что-то иное...

Мы вышли из океана и живы только потому, что постоянно носим с собой соленую воду — в своей крови, в своих клетках. Море — наш истинный дом. Вот почему берега нас так умиротворяют: мы стоим там, где разбиваются волны, словно изгнанники, возвращающиеся домой.

Доктор Ха Нгуен, «Как мыслят океаны»